

EVANGELISCHE AKADEMIE
TUTZING

Аня Кампманн

Герои на подушках

Киев. Мой взгляд снова скользит к напечатанной на карте города полуголой ноге, прикрытой лишь павлиньим пером. Белая лакированная туфля, темно-красная помада, *лучшие девушки в мире.*

Для многообещающей истории нужно мало атрибутов. Для героев – смелость, решимость, потертая джинсовая куртка, или униформа. Образ героя требует определенного места действия, своей кулисы, на фоне которых в этом образе воплотится все, что мы хотим увидеть: что-то определенное, явно очерченное. В Киеве под «*Родиной-матерью*» наивный юноша в подростковых прыщах пытается рассказать нам о героях войны по сохранившимся от нее следам: герои – это капли крови на подушках, по сути – пустота, которую правительство заполнило своим собственным смыслом. Расстрелянный *Ford Scorpio*. И вот опять: мир имеет четкие контуры, черные или белые, пока кто-нибудь не уточнит яснее. Истории героев должны быть однозначными, такими же иконическими, как ковбой Мальборо. *Коровы, костер и даль.*

Такому образу нужно всего несколько атрибутов, в своем роде кодов. Если богатая дама вдруг бросит бутылку с «коктейлем Молотова», то для нас она будет просто этой самой дамой, занятой этим же самым делом, до тех пор, пока мы не узнаем, для чего она это делает, что она отстаивает, против чего выступает. Не бывает героев без истории.

Мы отыскали место действия. Место в миллионном мегаполисе, прислонившееся к холму. *Майдан*. Появись мы на этом холме тогда – в нас бы стреляли еще издалека. Со стороны парламента и администрации, с железного моста и

высоких домов. Мы бы спасались от холода возле зажженных костров и в собственноручно возведенных баррикадах, а позже, немного павшие духом, увидели бы «Небесную сотню», жертвы, два фронта, противоречивые доклады, «живой канал» на *YouTube*... Нас было бы сотни тысяч, но кто же он – наш герой? Движение само по себе, жертвы, или застывшие у домашних мониторов, не спящие по ночам наблюдатели? Или же герои – это те, кто уже намного позднее из всех сил стремятся сохранить эту энергию, обретая свободу в окрепших структурах и без какой-либо помощи? А может, герои – это молодые депутаты в полосатых носках или энергичные молодые женщины, борющиеся с засидевшейся правящей и денежной элитой, вооруженные буквой закона? Вернуться из Киева в сытую Германию после выборов 2017 года – это как попасть в звукоизолированное пространство: мы забыли, какие структуры есть у нас для того, чтобы взяться за рычаг. Многие разочарованно констатируют, что предвыборная программа не отражает решения их проблем, и просто надеются на следующие выборы. Многие распеваются об усиливающихся правых кругах, но все же не могут припомнить ни одной дискуссии, в которой бы избиратели «из оффа» выразили свою позицию. После возвращения из Киева эта леность кажется мне почти невыносимой. Германия отрастила большой, толстый живот. Я имею в виду не столько материальное, сколько «умственное» ее довольство, не в последнюю очередь отражающееся во все еще господствующих здесь клише о Восточной Германии. В 2017 году дела обстоят совсем не так, как должны были, ведь о разочарованиях, страхах и травмах послереволюционного периода совсем не говорилось. Да и не было их. После выборов – лишь невнятный шум в прессе, взаимные обвинения и никакого согласия. Лишь бездеятельность и комфортное отступление; очевидно, ответственность всегда несет кто-то другой.

Вернувшись домой,
Слышишь крик гусей,
И весь город – как мешок с мукой

В пыльной кладовой.

Когда мы говорим о героях, необходимо вести речь о конкретной энергии. О мужестве взять на себя какую-то ответственность, о желании что-то изменить. Да и разве классический герой не описывается всегда как идеальная «рабочая лошадь», дающая возможность умолчать о том, что кто-то уже никогда не вернется с войны прежним?

Киев

Маленькие грузовые тележки между машинами,
Как осветить эти бесконечные дали,
Если мы то и дело притворяемся,
Что они кончаются за лучом света?

Полная ложка икры,
Необыкновенно красной на плакатах.

Гипертрофированная булочная,
Сталинские фасады, каменный цоколь,
Как куски породы, добытые из шахты.

Хрещатик

Ты ничтожен,
Твоя жизнь – это шахта.

Парочка нормативных берез,
Автомобили, разбросанные вдоль улиц,
Как смешавшиеся
Осколки калейдоскопа.

Ты пересекаешь эти мосты.

Красные листья каштана,
Золотой купол православной церкви.

Все еще продают цветную капусту
И томаты величиной со снежный ком.
В них – полно идей, осуществить которые больше никто не осмеливается.

«На этих улицах ты *априори* – одинокий боец». –
Говорит некто, уже три года не работающий в полиции.
Не на улице путь обрывается.
Конец пути, тупик.
Но именно это слово то и дело приходит на ум.

Раскопанная земля, осенние заросли,
На холме с видом на реку возвышаются виллы,
Разрисованный танк,
На котором играют дети,
Ты сидишь на его пушке, как будто на пони.
«Войну, – говорит В., – выиграть нельзя,
Ее метастазы возникают повсюду». Так во что же тогда верить?

Длинные ночи, холод в костях...
Всегда – только отрывки, мелкие фрагменты картины,
Которую таскают туда-сюда, как красивую скатерть,
В надежде накрыть ею чересчур большой стол.

Темные разводы, наполняемые нашим собственным смыслом,
Быстро бегущие облака.

Под «Родиной-матерью» – нерассказанная история,
Обрастающая подробностями: расстрелянный *Ford Scorpio*,
Четки, камуфляжные кепки,
В музее Второй мировой немцам теперь
Очень рады. Чего не скажешь о россиянах...

«Квартиры здесь покупают, как коробки, – рассказывает К., –
Чтобы самим потом все обустроить –
Ванну, обои, полы...» Неужели то же самое происходит с историей?
Далеки обещания гигантов строительного рынка,
Они позволяют нам отступить, далеко за фасады.

Снаружи – снова леса, в которых можно исчезнуть.
Некоторые до сих пор не найдены. 86% телевидения принадлежит 4 олигархам –
Что никого не удивляет.
Все еще продают цветную капусту
И томаты величиной со снежный ком.
В них – полно идей, но через пару дней
Они кажутся пустыми и спутанными.

Холодный воздух под нашими куртками,
Крытый рынок, чья крыша
Напоминает опрокинутую бочку.

Лишь редкий воздух повседневности несколько не изменился.

Больше никакого света или новых законов,
Падающих так легко и привычно, как снег,
Лишь арбузы да дыни.

Замерзшие ноги.

Женщина с белым букетом в руках
Протягивает бахромчатые цветы на длинных стеблях
Навстречу проходим,
Идущим на рынок,

Как будто с чем-то их поздравляет.